

Глава 7. Они к тебе все плохи, а если и я к тебе буду плох, что же тебе делать-то

Выйдя из больницы, Ян Фу спросил меня:

— А мама знает, что ты вышел?

Я покачал головой:

— Она ложится спать и закрывает дверь. К тому же её комната в глубине квартиры, я двигался тихо, вряд ли она слышала.

Ян Фу кивнул и сказал:

— Я отведу тебя обратно, поспишь ещё.

Я спросил:

— А ты?

Он ответил:

— От меня за версту разит. Сниму неподалёку почасовой номер, кое-как отмоюсь, чтобы запах перебить, а утром вернусь и помоюсь по-человечески. Всё равно до утра всего несколько часов осталось.

Я знал, что в такой час он точно не вернётся домой — боялся растревожить мать. Поэтому я сказал:

— Тогда я тоже пока не пойду обратно, снимем здесь номер на двоих и утром вместе вернёмся.

Он спросил:

— А если мама спросит, зачем ты среди ночи куда-то убегал, что отвечать?

Я не знал, что ответить, и промолчал.

Он вздохнул:

— Ладно, проехали, отведу тебя домой. Если снимать гостиницу тебе со мной, придётся искать

приличную и дорогую, зачем деньги тратить?

Помедлив, он, будто опасаясь, что я сочю его жадиной, добавил:

— Сейчас столько всего, на что нужны деньги, надо экономить. Вот появятся — тогда не придётся так ужиматься.

Тогда поймать такси было не так просто, как теперь, и мы с Ян Фу просто стояли на ночной улице в ожидании.

Подождав немного, я сказал:

— Я бы мог пойти в самую обычную старшую школу. Даже если всё равно пришлось бы давать взятку, поступить было бы не так трудно. И потом, с моими оценками мне, глядишь, ещё и стипендию доплачивали бы.

Он в ту же секунду пресёк мои слова, нахмурившись и вытаращив глаза, с влажным нажимом в голосе:

— Хватит нести чушь! Я уже почти всё уладил, а ты тут даёшь задний ход. Неужели не веришь, что я тебя отлуплю?

Я и впрямь не верил. Но промолчал.

Я чувствовал, что Ян Фу на самом деле не станет меня бить. Даже если бы я огрызнулся, он бы всё равно не тронул, просто потерял бы лицо. Зачем мне намеренно лишать его лица? Ни за что бы так не поступил.

Заметив, что я молчу, он смягчился, сменил тон, обнял меня за плечи и принялся утешать:

— Это я со зла, только что со зла ляпнул, да разве ж у меня рука поднимется тебя побить? Не сердись.

— Я не сержусь, — ответил я. — Просто...

Он перебил меня:

— Никаких просто. Умница, давай не будем об этом, не забивай голову ерундой. Врач тебя просто напугал, они все такие, говорю тебе, им лишь бы всё в самом страшном свете выставить.

Я спросил:

— Значит, то, что тебя вырвало кровью, — это он тебя напугал?

Он цыкнул, шумно выдохнул и сказал:

— Какая... к-какая ещё кровь? Я просто... ну да, перебрал немного, вырвало. Не кровь это была, а то, что съел за ужином. Эх, тошнотворно, давай не будем об этом.

Я смотрел на него и молчал.

Он снова цыкнул и продолжил сочинять на ходу:

— Кровь... ну, была немного, только не от рвоты. Десны кровоточат, жарко сейчас, вот и жар в теле поднялся.

Очевидно, он и вправду принимал меня за дурака. Я так разозлился на него, что чуть не рассмеялся, а от полной безысходности смог только ударить его.

Он в ответ лишь рассмеялся, принимая удары. Рука, обнимавшая меня за плечи, не разжалась, а стала только крепче, и он с дурашливой улыбкой заговорил:

— Ладно-ладно, поколотишь — и злость пройдёт, а?

Учитывая его сегодняшнее физическое состояние, я ударил с десятков раз, опустил руки и отвернулся, не желая с ним разговаривать.

Он сквозь тонкую ткань футболки сжал мясо на моей руке и тяжело вздохнул:

— Чуань-эр, послушай меня, поверь, ладно? Старшая школа — это невероятно важно, на этом экономить нельзя. Иначе, не дай бог, завалишь гаокао — и всё, что было до этого, пойдёт насмарку, вот тогда мы по-настоящему в убытке останемся. Погоди, пройдёт ещё три года, я что-нибудь придумаю и сделаю тебе местную прописку — тогда вообще прекрасно будет.

Когда дело касалось моей учёбы, его слово всегда было законом.

В вопросах моего образования у него наблюдался какой-то навязчивый пунктик. Стоило мне хоть раз проронить малейший намёк на нежелание прилежно учиться, как он тут же заводил получасовую шарманку о том, как тяжела работа по найму, сколько там хлопот при грошовом заработке и полном отсутствии уважения — мол, не жизнь это для человека.

Я спрашивал его:

— А ты разве не работал? Ты что, не человек?

На это он неизменно отвечал:

— Разве мы с тобой одинаковые? Ты не я.

Произнося такое, он держался совершенно естественно, с железобетонной уверенностью, будто нутром чувствовал именно это.

Я не понимал и не принимал такого взгляда на вещи. Но он упрямо стоял на своём.

Он вообще был человеком упрямым, в прочих делах — точно так же: если что-то решил, то решил, и ни мать, ни я не могли его переубедить.

Конечно, мы с его мамой редко пытались его отговаривать: почти все вопросы в нашей жизни решал он, а мы просто подчинялись.

Я повернулся к нему и очень серьёзно произнёс:

— Не нужно! Я же сказал, не нужно, Ян Фу. Раз уж ты говоришь, что с этой школой почти всё решено, я больше спорить не буду, но прописку мне оформлять не вздумай, она мне не нужна!

Он посмотрел на меня так, будто перед ним сидел неразумный ребёнок, тяжело вздохнул и сказал:

— Говорю же, дурачок ты, и вечно споришь. Умеешь только книжки читать, а в остальном ни черта не смыслишь. Ты понимаешь, насколько сильно отличается проходной бал с местной пропиской? Ладно, не забивай себе голову, я сам всё оформлю, твоё дело — учиться как следует.

Я больше не мог этого вытерпеть, с силой разжал его пальцы, сдвинул брови и посмотрел на него:

— Ты тут вообще ни при чём! Ян Фу! Какая бы ни была разница в баллах, к тебе это не имеет никакого отношения. Ты забыл? Я тебе не родной брат, у нас нет кровного родства, тебе необязательно надрываться ради меня!

На его лице запечатлелось всеобъемлющее великодушие. Он притянул меня обратно, снова заключил в объятия, положил голову мне на плечо и ласково затянул:

— Ну ладно-ладно, не родной так не родной... Постой, — он приподнял голову и, нарочито

состроив суровую мингу, выдал: — То есть ты хочешь сказать, что и в старости содержать меня не собираешься?

С меня было сыто по горло его вечными шуточками. Я оттолкнул его:

— Да ты меня всего на два года старше, какое ещё старость содержать? Тебе будет восемьдесят, а мне семьдесят восемь, мне самому нянька понадобится. Ты считаешь, что я тебя в инвалидном кресле катать буду? Я ещё не факт, что смогу сдвинуть тебя с места, если придётся толкать это кресло!

Каждый раз, когда я говорил, что ему не нужно быть со мной так добр, он отмахивался тем, что в будущем я буду содержать его на старости лет. Какое, к чёрту, содержание? Я младше его всего на два года, а не на двадцать! Он просто водил меня за нос, как дурачка!

Даже после того, как я высказал всё до конца, Ян Фу продолжал ломать комедию и всюю причитать:

— Ишь ты, уже задумываешься, как сбросить меня с инвалидного кресла? Перегибаешь палку, неблагодарный волчонок, а я-то рассчитывал...

Он осекся, голос его стих, и он прижал меня к груди.

— Не плачь! Не плачь, не плачь, ты вовсе не неблагодарный волчонок, я не со зла, я просто шучу, ты вечно всё принимаешь за чистую монету... Не плачь, не плачь, молчу, молчу. Эх, посреди ночи разбудил тебя, устроил тут капризы, я виноват, я. Ну всё, всё, хороший мой, отведу тебя спать.

Я обнимал его, прижавшись лицом к его груди, и старался втолковать ему самое главное:

— Ян Фу, тебе правда не нужно быть со мной таким добрым. Я тебе не родной брат, и ты совершенно не обязан рассчитывать, что я стану содержать тебя в старости. Даже если я найду хорошую работу и разбогатею, я всё равно вряд ли заработаю больше тебя, ты ничего от меня не получишь. Не надо столько в меня вкладывать, я всё равно не смогу тебе отплатить.

Мои собственные родители бросили меня. Родной дед, бабушка, дяди — все от меня отказались. С какой стати Ян Фу так со мной носитя? Он вовсе не должен быть ко мне так добр.

Он замолк, мягко похлопывая меня по спине, а спустя пару мгновений нежно произмолвил:

— Раз уж я подобрал тебя, то должен за тебя отвечать. Не забивай голову лишним, я и не думал требовать с тебя никакой платы, просто шутил. Главное — учись хорошо и живи счастливо, остальное неважно, понимаешь?

Я сквозь слёзы спросил:

— Почему?

Он ответил:

— Просто так.

Но мне казалось, на то обязана быть причина. Я произнес:

— Мои собственные родственники ко мне не добры. Почему же ты так добр ко мне?

Он прижался щекой к моему уху и волосам, помолчал несколько секунд и вздохнул:

— Они к тебе все плохи, а если и я к тебе буду плох, что же тебе делать-то, Чуань-эр... Дурачок ты маленький.

Это вовсе не было причиной.

Я возразил:

— Ты и не должен быть ко мне добр. Даже если ко мне никто не добр, к тебе это не имеет никакого отношения.

Он снова вздохнул, подумал немного и предложил:

— Ну ладно, думай об этом так. Содержать одну мать для меня слишком просто, в этом нет никакого вызова, а если добавить тебя — да, нагрузке положено вырасти, но зато у меня появится куда больший стимул, и работать станет веселее.

— Белиберда какая-то, — сказал я. — Тогда... мог бы откладывать деньги будущей жене на выкуп.

Он хмыкнул:

— А вот это ещё большая белиберда! Моя будущая жена ещё на горизонте не появилась, я понятия не имею, где она бродит, вот узнаю — тогда и начну откладывать!

Поэтому теперь мне оставалось только сжимать зубы, давить подкатывающую тошноту и продолжать учёбу в той самой школе и том самом классе, где учился Бянь Сичуань.

Мне было жаль даже переводиться в другой класс. Наш класс был профильным, и я подозревал, что часть взятки пошла именно на это. А ещё на то вино, что выпил Ян Фу, и на все те унижения, что он стерпел ради меня.

Я приготовился к тому, что Бянь Сичуань станет меня буллить.

Я думал, он знает обо мне и ненавидит меня так же сильно, как я ненавидел его.

Когда он шёл ко мне, я исподтишка сжал кулаки, твердя себе: терпи, терпение приносит золото.

Однако он остановился передо мной, приветливо и солнечно улыбнулся и спросил:

— Ты ведь Ли Чуань, верно?

Я смотрел на него и молчал.

Он продолжил:

— Привет, я Бянь Сичуань. Ха-ха, я тут услышал, как ребята говорят, что мы с тобой похожи, и даже имена созвучны, думал, шутят... А мы и впрямь похожи лицами, какая забавная встреча.

Он ничего не знал обо мне.

Мне было трудно передать словами то чувство, что охватило меня в ту же секунду.

Бянь Сичуань... ничего обо мне не знал.

Я так истово ненавидел его, так опасался его, а он понятия не имел о моём существовании.

Это оказалось куда больнее, чем бить кулаком по воде: казалось, будто только я один остался сточным крысенышем, что влачит длинный тошнотворный хвост и исподтишка, из темноты, разглядывает ослепительно белого, залюбленного и обласканного домашнего кота, греющегося на солнышке.

<http://bllate.org/book/22057/2293529>